

Библейско-богословская коллекция
Патрологическая серия

Штокль А.

**СВ. АФАНАСИЙ
ВЕЛИКИЙ**

Православный собеседник, 1863, I, с. 32-56

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

СВ. АѦНАСІЙ ВЕЛИКІЙ.⁽¹⁾

АѦанасій родился въ Египтѣ, близъ Александ-
ріи; годъ рожденія его до сихъ поръ еще не
опредѣленъ точно (вѣроятно между 296 и 298
гг.). За свои аскетическіе подвиги и основательное
образованіе онъ въ 319 г. былъ посвященъ во
діакона александрійской церкви, и съ этого вре-
мени сдѣлался правою рукою своего епископа
Александра. Въ 325 г. онъ сопутствовалъ ему
на соборъ никейскій, и отсель вступилъ на по-
прище своей жизненной борьбы. Чувствуя близ-
кую свою кончину, епископъ Александръ назна-
чилъ (въ 326 г.) АѦанасія своимъ преемникомъ.
Сознавая свои немощи, АѦанасій отказывался отъ
принятія на себя такого высокаго служенія, и
только громкое одобреніе народа и другихъ епи-
скоповъ заставили его покориться этому избранію.
Сдѣлавшись епископомъ, АѦанасій продолжалъ свою

(¹) Изъ книги: Geschichte der Philosophie der patristischen Zeit,
von D-r phil. Albert Stöckl. Würzburg. 1859. S. 264—277.

борьбу противъ аріанства. Онъ противился принятію Арія въ общеніе Церкви, вопреки воли самого императора Константина. Аріане, вмѣстѣ съ мелетіанами, употребляли всевозможныя средства къ низверженію Аѳанасія; для этой цѣли они не задумались прибѣгнуть даже къ позорнымъ обвиненіямъ противъ него, между прочимъ въ нецѣломудріи, убійствѣ и т. п. Хотя подобныя клеветы и были самымъ очевиднымъ образомъ опровергнуты, однакожъ враги Аѳанасія, помощію лже-свидѣтелей, успѣли достигнуть своей цѣли: на тирскомъ соборѣ (335 г.) онъ былъ осужденъ, лишенъ сана и сосланъ въ Трирѣ. По смерти Константина Аѳанасій былъ вызванъ изъ своего заточенія, но вскорѣ начались новыя интриги аріанъ, и на ангіохійскомъ соборѣ (341 г.) Аѳанасій былъ низложенъ снова. Изгнанный, силою оружія, изъ своего кафедральнаго города, онъ отправился въ Римъ, гдѣ былъ съ честью принятъ папою Юліемъ и торжественно оправданъ на созванномъ тамъ соборѣ. Это оправданіе повторено было на соборѣ сардикійскомъ, въ Иллиріи (347 г.), и Аѳанасій возвратился къ своей паствѣ, послѣ осьмилѣтняго разлученія съ нею. Но его гонители и теперь не давали ему покоя. Они вооружили противъ него императора Констанція, утверждая, что во время возмущенія противъ него Магненція, Аѳанасій принялъ сторону послѣдняго (тогда какъ дѣло было совершенно наоборотъ). Разсерженный этой клеветой, императоръ рѣшился погубить Аѳа-

насія и безстыдными средствами устрашения заставилъ многихъ епископовъ осудить его на соборъ въ Миланъ (355 г.). Затѣмъ, по приказанію императора, взята была, силою оружія, церковь, въ которой находился Аѳанасій съ своею паствою. Только чудо спасло его, и онъ убѣжалъ въ пустыню. По смерти Констанція (362 г.), когда возшелъ на престолъ Юліанъ отступникъ, Аѳанасій опять возвратился на свою кафедру. Но такъ какъ онъ могъ скорѣе противоудѣйствовать плану Юліана — поссорить между собой христіанъ, чѣмъ соудѣйствовать его исполненію, то снова долженъ былъ подвергнуться изгнанію. Юліанъ вскорѣ умеръ (363 г.), и въ его преемникъ Ювиніанъ Аѳанасій нашелъ себѣ благосклоннаго покровителя. Къ сожалѣнію, этотъ императоръ жилъ только до 364 г.; послѣ него возшелъ на престолъ аріанинъ Валентъ, и Аѳанасій въ пятый разъ былъ лишенъ своей кафедры. Валентъ, впрочемъ, скоро вызвалъ его изъ ссылки, и теперь только вѣрный ревнитель Господній, въ послѣдніе годы своей жизни, получилъ наконецъ нѣкоторый внѣшній покой, посвященный имъ на усердное служеніе Господу. Побѣдивъ всѣхъ своихъ враговъ, св. Аѳанасій великій скончался въ 373 году, имѣвъ утѣшеніе видѣть еще при жизни своей упадокъ аріанства (1).

Многотрудная жизнь св. Аѳанасія была про-

(1) Сравни. Möhler, Athanasius der Grosse und die Kirche seiner Zeit. Mainz. 1827.

никнута однимъ стремленіемъ — защитить догматы объ истинномъ божествѣ Іисуса Христа противъ аріанъ и объ истинномъ челоѡчествѣ Его противъ аполлинаріанъ. Среди потока еретическаго ученія, которое, подобно язвѣ, явилось на тѣлѣ Церкви, едва только получившей свободу, и грозило разрушить основные догматы христіанства — о божествѣ Спасителя и Его истинномъ челоѡчествѣ, Аѡанасій стоялъ какъ скала въ морѣ, о которую разбивались волны ереси. И тотъ геній, съ которымъ онъ защищалъ упомянутые основные догматы христіанской вѣры, сдѣлалъ его славу и въ научномъ отношеніи бессмертною для всѣхъ временъ. Его умъ обращался по преимуществу въ области догматической; однакожъ онъ по необходимости касался и другихъ областей вѣдѣнія, для возможно удовлетворительнѣйшаго разрѣшенія той задачи, которая назначена была ему Провидѣніемъ. Въ особенности онъ долженъ былъ касаться психологическихъ вопросовъ; потому что, независимо отъ примѣнимости ихъ въ другихъ отношеніяхъ, успѣшная защита христіанскаго ученія о воплощеніи могла быть достигнута имъ только на основаніи психологіи, которой основоположенія равнымъ образомъ носили бы на себѣ характеръ христіанскій. Если бы онъ не понималъ существа челоѡка совершенно въ христіанскомъ смыслѣ, то и его ученіе о Богочелоѡкѣ не могло бы быть христіанскимъ. Но какъ объ одномъ, такъ и о другомъ Аѡанасій имѣлъ истинныя поня-

тія. Поэтому, хотя мы и не встрѣчаемъ у него совершенно выработанной антропологии, — такъ какъ это не входило въ его задачу и не требовалось временемъ, — однакожъ находимъ нѣсколько отдѣльныхъ психологическихъ ученій, стоящихъ въ истинно христіанской срединѣ между крайностями идеализма и реализма, въ которыя болѣе или менѣе уклонялись его ближайшіе предшественники.

Опираясь всегда, относительно истинъ христіанскаго ученія, на вѣрѣ, которою онъ, какъ богооткровенныя, должны быть принимаемы точно и безпрекословно, св. Аѳанасій не упускаетъ однакожъ случая пользоваться и разумными доказательствами, говорящими въ пользу истины христіанскаго откровеннаго ученія. Онъ повсюду старается показать сообразность христіанской истины съ разумомъ, чтобы посрамить заблужденіе язычниковъ, считавшихъ христіанство безуміемъ. Христіанство выступило противъ языческаго многобожія прежде всего съ великимъ ученіемъ о единствѣ Бога, необыкновеннымъ для тогдашняго языческаго сознанія, совершенно опутаннаго заблужденіями политеизма. Аѳанасій, поэтому, старался представить язычникамъ высочайшую разумность христіанскаго ученія о единствѣ Божіемъ. Въ этомъ отношеніи онъ указываетъ прежде всего на порядокъ и гармонию, повсюду царствующія въ видимомъ мірѣ, которыя тѣмъ удивительнѣе, что міръ состоитъ изъ разнообразнѣйшихъ и противоположнѣйшихъ составныхъ частей. Но вездѣ,

гдѣ царствуетъ порядокъ, необходимо предполагается и его виновникъ. Тоже должно сказать и относительно всеобщаго міроваго порядка. Итакъ надъ міромъ долженъ господствовать высочайшій Учредитель порядка. И этотъ Виновникъ міроваго порядка можетъ быть только одинъ; потому что *единый* порядокъ, усматриваемый нами въ мірѣ, не мыслимъ безъ предположенія о *единомъ* его Виновникѣ. Гдѣ много производителей порядка, тамъ можетъ воспослѣдовать только смѣшеніе. Этотъ единый Виновникъ порядка есть единый Богъ ⁽¹⁾. Какъ отъ единаго органическаго взаимнопроникновенія частей нашего тѣла мы должны заключать къ одной душѣ, которая есть начало этого органическаго единства и единой жизненности въ нашемъ тѣлѣ: такъ отъ единства міра разумъ заставляетъ насъ заключать къ единому Богу ⁽²⁾. Этимъ не отрицается возможность существованія многихъ міровъ: единый Богъ можетъ создать многіе и различные міры; но единство *этого* созданнаго міра указываетъ на единство Божіе ⁽³⁾. Многіе боги не суть боги. Политеизмъ есть атеизмъ ⁽⁴⁾.

Это доказательство представляется Аѳанасію столь очевиднымъ, что онъ считаетъ его до-

⁽¹⁾ Athanasius: *contr. gent.* p. 38. seqq. (Кѣльнское изданіе 1686).

⁽²⁾ Ibid. p. 41.

⁽³⁾ Ibid. p. 43.

⁽⁴⁾ Ibid. p. 41: «ἡ πολυθεότης ἀθεότης».

статочнымъ для прикованнаго къ чувственности разума язычниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, это доказательство имѣетъ значеніе только вспомогательнаго соображенія для чувственныхъ людей. Кто возвышается душою надъ чувственными пожеланіями и проистекающими отсюда чувственными образами фантазій и очищаетъ свой внутренній міръ отъ грѣха и всякой склонности къ нему, тому не нужны подобнаго рода доказательства, тотъ внутри себя самого, какъ въ зеркалѣ, видитъ отраженіе образа божественнаго Слова, — ибо человекъ созданъ по образу Божию (¹). Въ этомъ отношеніи для познанія единаго Бога мы нуждаемся только въ себѣ самихъ, въ своей собственной душѣ, въ своемъ собственномъ разумѣ (²). На этомъ-то основывается то явленіе, что за отрицаніемъ Бога всегда слѣдуетъ отрицаніе души. Когда язычники отрицали единаго Бога, тогда они отрицали и душу (³). Тоже бываетъ и наоборотъ.

Сей единый Богъ безконечно совершенъ и не можетъ быть обнятъ никакою силою человеческой мысли. Онъ непостижимъ и неизслѣдимъ (⁴). Только изъ Его дѣйствій мы можемъ въ нѣкото-

(¹) Ib. p. 37: «когда душа слагаетъ съ себя всю излившуюся на нее скверну грѣха и соблюдаетъ въ себѣ одинъ чистый образъ, тогда (чему и быть слѣдуетъ), съ просвѣтлѣніемъ онаго, какъ въ зеркалѣ созерцаетъ въ немъ Отчий образъ—Слово, и въ Словѣ уразумѣваетъ Отца, котораго образъ есть Спаситель».

(²) Ibid. p. 32.

(³) Ibid. p. 33.

(⁴) Ibid. p. 3.

рой мѣръ познавать Его; а познаёмъ мы въ настоящей жизни болѣе то, что Онъ не есть, Его отрицательную сторону, нежели что Онъ есть, Его существо (1). Онъ безконеченъ, безтѣлесенъ, неизмѣняемъ, вседозволенъ (2). Онъ благъ, и даже болѣе чѣмъ благъ (3). Онъ выше самаго бытія (4). Онъ простъ и недѣлимъ (5), и слѣдовательно смѣшивать Его съ созданнымъ міромъ или, еще хуже, съ отдѣльными частями его, есть величайшее безуміе, въ какое только могъ когда либо впасть человѣческій разумъ; потому что этимъ онъ дробить на части и самое существо Божіе, съ чѣмъ вмѣстѣ очевидно уничтожаются и всѣ прочія существенныя свойства Бога (6). Только Богъ христіанскій есть Богъ истинный; боги язычниковъ суть призраки, составленные испорченною фантазіею людей (7).

Порядокъ и гармонія, являющіяся въ созданномъ мірѣ, ведутъ насъ къ заключенію о единомъ Богѣ, господствующемъ надъ міромъ. Вмѣстѣ съ этимъ, въ разсматриваніи міроустройства мы получаемъ новую важную мысль. Порядокъ и гармонія созданнаго міра указываютъ намъ на то,

(1) Ibid. p. 37 seqq.

(2) Ibid. p. 24.

(3) Ibid. p. 3.

(4) Loco citato.

(5) Ibid. p. 30.

(6) Ibid. p. 28 seqq.

(7) Ibid. p. 3 seqq.

что и въ Богъ есть Разумъ, и что именно изъ этого божественнаго Разума должны были произойти этотъ порядокъ и эта гармонія (¹). Объ этомъ самомъ божественномъ Разумъ, объ этомъ божественномъ Словъ (Λόγος) сообщаетъ намъ свѣдѣнiе божественное откровенiе. Божественное Слово не есть что либо безлично, не есть простое единство идей, открывающихся въ созданныхъ вещахъ (Λόγος *πλεριστικός* стойковъ); Оно есть вѣстная Премудрость Божiя, которая вѣчно была въ Богъ и у Бога (²). Божественное Слово имѣеть одно существо съ Богомъ Отцемъ (ὁμοούσιος); Оно не создано, но рождено (³); не было времени, когда бы Его не было (οὐκ ἦν, ὅτε οὐκ ἦν ὁ Υἱός) (⁴). Ариане говорили, будто Богъ можетъ относиться къ міру не прямо, а только чрезъ какое нибудь посредствующее существо. Это уже потому нелѣпо, что въ такомъ случаѣ посредничество должно было бы простираеться въ безконечность, такъ какъ само посредствующее существо нуждалось бы, въ свою очередь, въ новомъ по-

(¹) Ibid. p. 44.

(²) Ibid. p. 44 seqq.

(³) Orat. II. contra arian. p. 314. «Онъ есть истинный, дѣйствительный по природѣ, Сынъ Отца, собственный Ему по существу, едиnorodная Премудрость и истинное Слово; Онъ одинъ отъ Бога, и не тварь или созданiе, но собственное рожденiе существа Отца. Поэтому Онъ есть истинный Богъ, будучи единсуцентъ истинному Отцу. Всѣ же другiе, которымъ Богъ сказалъ: *Азъ рѣчь*: бози есте, имѣють такую благодать у Отца только по участию въ Словъ чрезъ Духа».

(⁴) Ibid. p. 314 seqq.

средничествѣ, и т. д. до безконечности ⁽¹⁾. Мы не можемъ соединиться съ Богомъ чрезъ тварь: ибо каждая тварь сама нуждается въ Богѣ, чтобы Онъ соединилъ ее съ собою ⁽²⁾. Сынъ Божій, следовательно, не есть тварь, но божественная Впостась, единосущая Отцу и нераздѣльная съ Нимъ. Богатство положительныхъ и умозрительныхъ доказательствъ, при помощи которыхъ Аѳанасій старается утвердить этотъ возвышеннѣйшій догматъ христіанства, и блестящее остроуміе этихъ доказательствъ, могутъ возбуждать только удивленіе ⁽³⁾. — Ученіе о Сынѣ Аѳанасій связуетъ съ ученіемъ о Св. Духѣ. Духъ Святой есть третье Лице въ Божествѣ. Онъ не сотворенъ ⁽⁴⁾: ибо, если бы Онъ былъ одною изъ тварей, то чрезъ Его дѣйствіе мы не соединились бы съ Богомъ. Такъ какъ Онъ своею благодатию дѣлаетъ насъ участниками Божества, то безъ сомнѣнія Онъ есть Богъ ⁽⁵⁾. И какъ Богъ, Онъ единосущенъ Отцу и Сыну. Вотъ три Лица въ Божествѣ, и сіи три по существу суть одно. Тайна непостижимая, но возвышенная!

Послѣ всего этого понятно само собою, что

⁽¹⁾ Orat. III. c. ar. p. 397.

⁽²⁾ Ibid. p. 439.

⁽³⁾ Превосходнѣйшее въ этомъ отношеніи сочиненіе его: четыре слова противъ аріанъ.

⁽⁴⁾ Сравн. ep. I. ad Scrap. «Spir. sanct. non esse creaturam». p. 173 seqq.

⁽⁵⁾ Ibid. p. 198 seqq.

Аѳанасій излагаетъ и идею творенія не иначе, какъ во всей ея чистотѣ. Если бы Богъ, для обнаруженія вовнѣ своей дѣятельности, нуждался въ предсуществовавшей матеріи, то это, очевидно, было бы знакомъ Его слабости или безсилія, чего мы отнюдь не можемъ приписать Богу, какъ Существо совершеннѣйшему. Міръ сотворенъ Богомъ изъ ничего ⁽¹⁾. Все безъ исключенія произошло изъ творческой силы Божіей, а изъ этого слѣдуетъ, что въ міръ все — добро. Ибо Богъ, какъ благій, могъ создать только благое. Зло, поэтому, не есть бытіе, не есть субстанція; оно не создано Богомъ и свое основаніе можетъ имѣть только въ самихъ же созданныхъ существахъ ⁽²⁾. Побужденіемъ къ творенію міра была благость Божія, въ которой Онъ восхотѣлъ явить себя тварямъ ⁽³⁾. Тотъ, чрезъ кого созданъ міръ, есть божественное Слово. Оно-то и есть Творецъ (*Δημιουργός*) ⁽⁴⁾. Оно вызвало міръ съ его стихіями изъ ничтожества и соединило ихъ въ то правильное единство и гармонію, которыя мы теперь усматриваемъ въ міръ. Поэтому Слово все проникаетъ, все содержитъ и всѣмъ управляетъ ⁽⁵⁾. Такимъ образомъ Оно есть вмѣстѣ и Откровитель Бога въ области созданнаго міра. Оно-то

(1) De incarn. Verb. p. 54 seqq.

(2) Contr. gent. p. 5 seqq.

(3) Ibid. p. 45. De incarn. Verb. p. 56.

(4) De incarn. Verb. p. 55 seqq.

(5) Contr. gent. p. 45 seqq.

прежде всего открываетъ Себя въ міръ какъ *Λόγος*, а чрезъ Себя открываетъ и Отца. Отътого Отца мы можемъ познавать только чрезъ Слово, которое есть посредникъ нашъ, возводящій насъ къ Богу. Если несомнѣнно, что мы можемъ познавать Бога изъ дѣлъ Его, то глубокое основаніе этого заключается именно въ томъ, что въ дѣлахъ Божіихъ открываетъ себя намъ *Λόγος* (1). Цѣль творенія міра отсюда опредѣляется сама собою. Міръ созданъ именно затѣмъ, чтобы чрезъ него мы приходили къ познанію Бога, а чрезъ познаніе Бога достигали блаженства. Такимъ образомъ цѣль міра подчинена назначенію человека (2). Человѣкъ есть глава видимаго творенія. Въ своемъ разумѣ онъ носитъ образъ божественнаго Слова и внутренне соединяется съ Нимъ чрезъ благодать Св. Духа (3). — Посмотримъ теперь, какъ, на основаніи этихъ началъ, образовалось психологическое ученіе Аѳанасія.

Душа человѣческая, по ученію Аѳанасія, есть субстанція существенно отличная отъ тѣла, и слѣдовательно безтѣлесная и духовная (4). Это основное положеніе своего психологическаго ученія Аѳанасій не приминулъ подтвердить умозрѣніемъ. Неразумныхъ животныхъ занимаетъ только то,

(1) *Contra arian. or. II. p. 318. Contra gent. p. 37 seqq. 42. 48 seqq.*

(2) *Contra gent. p. 3.*

(3) *De incarn. Verb. p. 63 seqq. Ep. I. ad. Serap. p. 200.*

(4) *De incarn. Chr. p. 626. De salut. adv. Chr. p. 634.*

что въ данную минуту поражаетъ ихъ чувства; онѣ не могутъ ни выйдти изъ подѣ вліянія вышшняго впечатлѣнія, ни дать себѣ отчета въ немъ. Человѣкъ, напротивъ, не только мыслитъ о многомъ другомъ, что въ данное время не дѣйствуетъ на его чувства, но и судитъ о томъ, что воспринято имъ изъ опыта, и опредѣляетъ, какой предметъ надобно предпочитать другому. Отправленіе органа зрѣнія состоитъ только въ томъ, что онъ видитъ извѣстный предметъ, отправленіе уха въ томъ, что оно слышитъ и т. д.; но судить о слышанномъ или видѣнномъ, или опредѣлять, что надобно увидѣть или услышать: это уже не есть дѣло вышшняго чувства. Слѣдовательно въ насъ нужно предположить особенное начало, которому свойственно это послѣднее отправленіе; начало это и есть разумная душа (1).

(1) *Contra gent.* р. 33: «не маловажнымъ доказательствомъ (существеннаго отличія души отъ тѣла и отъ жизни животной) будетъ и то, что одинъ только человѣкъ разсуждаетъ о находящемся вѣдѣ его, мысленно представляетъ и то, чего нѣтъ предъ нимъ, и опять разсуждаетъ и обсуживаетъ, что бы изъ обдуманнаго избрать лучшее. Безсловесныя видятъ то одно, что передъ ними, стремятся къ тому одному, что у нихъ предъ глазами, хотя бы въ послѣдствіи былъ отъ того имъ вредъ; но человѣкъ стремится не къ видимому, а напротивъ того, видимое глазами обсуживаетъ разсудкомъ; нѣтъ-то, устремившись уже, разсудкомъ бываетъ удержанъ, и что имъ обдумано, обсуживаетъ снова. И всякій, если только онъ другъ истины, сознаетъ, что умъ человѣческій не одно и то же съ тѣлесными чувствами; а потому, какъ нѣчто иное, бываетъ судією самыхъ чувствъ; если чувства чѣмъ заняты, умъ обсуживаетъ и напоминаетъ это, и указываетъ чувствамъ лучше. Дѣло глаза—видѣть только, ушей—слышать, устъ—вкушать, ноздрей—принимать въ себя запахъ, рукъ—осязать; но разсудить, что должно видѣть и слышать, до чего должно касаться, что вкушать и обонять—не дѣло

Кромѣ того, человѣкъ мыслить не только о томъ, что можетъ извѣстнымъ образомъ дѣйствовать на его чувства, но способенъ возвышаться своею мыслию и къ такимъ предметамъ и въ такую область, которые лежатъ далеко внѣ непосредственнаго наблюденія. Онъ мыслить и любить не только преходящее и смертное, но и непреходящее и безсмертное. Возможно ли было бы это, если бы въ немъ самомъ не было начала непреходящаго и безсмертнаго? Если бы человѣкъ былъ только тѣломъ, то упомянутый фактъ былъ бы совершенно невозможенъ; потому что преходящее и смертное можетъ относиться только къ преходящему же и смертному⁽²⁾. Если, далѣе, чувства по своей природѣ обращаются къ соответствующему имъ предмету и слѣд., коль скоро онъ находится предъ ними, не могутъ сами по себѣ

уже чувствъ; судятъ же о томъ душа и умъ ея... Но это свойственно только людямъ, и это есть разумность человѣческой души, пользуясь которою, отличается она отъ безсловесныхъ, и доказываетъ о себѣ, что она дѣйствительно не одно и тоже съ видимымъ въ тѣлѣ».

(2) *Contra gent.* р. 34: «для тѣхъ, которые дошли даже до безстыдства неразумности, строгимъ доказательствомъ послужить и слѣдующее. Тѣло по природѣ смертно; почему же человѣкъ размышляетъ о безсмертіи, и нерѣдко, изъ любви къ добродѣтели, самъ на себя навлекаетъ смерть? Или, тѣло—временно; почему же человѣкъ представляетъ себѣ вѣчно, и поэтому пренебрегаетъ тѣмъ, что у него подъ ногами, вождѣлеваетъ же вѣчнаго? Тѣло само о себѣ не помыслить ничего подобнаго; оно не помыслило бы и о томъ, что внѣ его; потому что оно смертно и временно. Необходимо же быть чему нибудь другому, что помышляло бы о противоположномъ и естественномъ тѣлу. Итакъ, что же это опять будетъ, какъ не душа разумная и безсмертная? Не совнѣ, но внутри, въ тѣлѣ, какъ музыкантъ на лирѣ, производитъ она совершеннѣйшіе звуки».

оставаться безъ воздѣйствія въ отношеніи къ нему: то какъ мы объяснили бы то явленіе, замѣчаемое нами въ человѣкѣ, что его чувства часто остаются внѣ вліянія отъ своего предмета и не получаютъ своего удовольствія, если мы не предположимъ въ человѣкѣ другаго, отличнаго отъ тѣла и тѣлесныхъ чувствъ, начала, во власти котораго находится упомянутое господство надъ чувствами? И что другое можетъ быть такимъ началомъ, какъ не душа разумная ⁽¹⁾? Человѣкъ только потому способенъ внимать закону, повѣлывающему ему дѣлать добро и уклоняться отъ зла, что въ немъ живетъ и дѣйствуетъ разумная душа; существо неразумное совершенно неспособно къ различенію добра и зла ⁽²⁾. Самое состояніе сна свидѣтельствуетъ о существованіи въ человѣкѣ духовнаго начала: и во время сна это начало остается дѣятельнымъ, нерѣдко обнаружи-

(¹) Ibid. p. 35: «опять, глазу естественно смотрѣть, и слуху— слушать; почему же одного отвращаются они, а другое избираютъ? Кто отвращаетъ глазъ отъ зрѣнія? Или, кто заключаетъ для слышанія слухъ, по природѣ стремящійся къ слушанію? Или, кто нерѣдко удерживаетъ отъ естественнаго стремленія вкусъ, по природѣ назначенный для вкушенія? Кто запрещаетъ до инаго касаться рукъ, по природѣ дѣятельной?.. Или, почему тѣло, отвращаясь отъ требуемаго природою, склоняется на совѣтъ другаго (т. е. ума) и обуздывается его мановеніемъ? Все сіе доказываетъ не иное что, какъ разумную душу, владычествующую надъ тѣломъ».

(²) Ibid. p. 35: «посему—то и даются людямъ законы дѣлать доброе и отвращаться порока; для безсловесныхъ же, лишенныхъ разумности и мышленія, и худое остается невнятнымъ и неразличимымъ».

ваясь даже особеннымъ образомъ, напр. нѣкоторымъ прозрѣніемъ въ будущее (¹).

Если такимъ образомъ душа есть существенно отличная отъ тѣла, безтѣлесная субстанція, то потому самому она бессмертна по своей природѣ, какъ тѣло по своей природѣ смертно (²). Душа движетъ тѣло, а не наоборотъ; какъ скоро душа оставляетъ тѣло, его движеніе прекращается. Но если душа движетъ тѣло, а не тѣло душу, то въ ней начало ея собственнаго движенія; а если такъ, то эта сила душевной самодѣтельности не можетъ уничтожиться съ смертію тѣла. Слѣд. душа и по смерти тѣла должна сохранить эту самодвижимость. Но въ томъ именно, что душа движетъ сама себя, состоитъ ея жизнь, и слѣд. она должна продолжать жить и по смерти тѣла, т. е. должна быть бессмертна (³).

(¹) Ibid. p. 34: «тѣло часто лежитъ на землѣ, а человѣкъ представляетъ и созерцаетъ, что на небѣ. Тѣло часто покоится, безмолвствуетъ и сидитъ, а человѣкъ—внутренно въ движеніи, и созерцаетъ, что внѣ его, переселяясь и переходя изъ страны въ страну, встрѣчаясь съ знакомыми, нерѣдко предугадывая и предузнавая поэтому дѣла свои на другой день. Что же это иное, какъ не разумная душа, которая въ человѣкѣ размышляетъ и представляетъ, что выше его?»

(²) Ibid. p. 35: «если въ словѣ нашемъ доказано, что душа не одно и то же съ тѣломъ, тѣло же по природѣ смертно: то необходимо душѣ быть бессмертною потому самому, что она не подобна тѣлу».

(³) Ibid. p. 35 seqq.: «и опять, если, по доказанному, душа движетъ тѣло, а сама ничѣмъ другимъ не приводится въ движеніе: то слѣдуетъ, что душа самодвижна, и, по сложеніи съ себя тѣла въ землю, опять будетъ сама себя приводить въ движеніе. Ибо не душа подвергается смерти, умираетъ же тѣло, вслѣдствіе разлученія съ нимъ души. Если бы душа приводима была въ движеніе тѣломъ,

Кромѣ того, еще и во время своего пребыванія въ тѣлѣ, душа живетъ въ извѣстной степени жизни самостоятельной, не будучи ограничена, по своему мышленію и своей волѣ, тѣснымъ пространствомъ, въ которомъ находится тѣло, но возвышаясь надъ нимъ и обращаясь въ высшихъ, неизмѣримыхъ областяхъ. Какъ же не жить ей, по разлученіи съ тѣломъ, жизнью тѣмъ свободнѣйшею и совершеннѣйшею! Наконецъ она не была бы способна ни познавать безсмертное, ни любить его, если бы сама не была безсмертнаго (*).

Эту духовную, безсмертную душу св. Аѳанасій признаётъ, такимъ образомъ, составною частию человѣческой природы. По существу своему душа есть една, и разумъ, которымъ чловѣкъ познаётъ сверхчувственное, есть только одна изъ основныхъ ея способностей, а не что-нибудь

то, по разлученіи съ движущимъ, ей слѣдовало бы умереть. А если душа движетъ тѣло, то тѣмъ болѣе необходимо ей приводить въ движеніе саму себя. Приводя же въ движеніе себя, по необходимости она будетъ жить и по смерти тѣла; потому что движеніе души есть не иное что, какъ жизнь ея.

(* Ibid. p. 36: «если и тогда, какъ душа заключена въ тѣлѣ и соединена съ нимъ, она не ограничивается одною малостию тѣла, и не соразмѣряется съ нею,—тѣло лежитъ иногда на одрѣ и, какъ-бы уснувъ смертнымъ сномъ, пребываетъ недвижимо, душа бодрствуетъ по силѣ своей природы, возвышается надъ природою тѣла, и хотя пребываетъ въ тѣлѣ, но, какъ-бы переселяясь изъ него, представляетъ и созерцаетъ, что превыше земли, и нерѣдко, поощряемая чистотою ума, воспаряетъ къ святымъ и ангеламъ, пребывающимъ внѣ земныхъ тѣлъ, и бесѣдуетъ съ ними,—то разрѣшившись отъ тѣла, когда будетъ сіе угодно соединившему ее съ онымъ Богу, не тѣмъ ли паче, и не въ большей ли еще мѣрѣ, приобрететъ она

субстанціально отличное отъ нея; почему понятія ума (*νοῦς*) и души (*ψυχή*) Аѳанасій повсюду поставляетъ одно на мѣсто другаго ⁽¹⁾. По отношенію своему къ другой составной части человѣческой природы, къ тѣлу, душа есть истинная и существенная его форма, а слѣд. и начало, заправляющее его жизнию и его ощущающего природою ⁽²⁾. Она живетъ во всѣхъ частяхъ его и проявляетъ всюду въ немъ свою дѣятельность ⁽³⁾. Посему и весь человѣкъ есть не иное что, какъ единство души и тѣла ⁽⁴⁾, такъ какъ обѣ эти части стоятъ въ существенномъ отношеніи другъ къ другу ⁽⁵⁾. По душѣ своей человѣкъ со-

яснѣйшее вѣдѣніе о безсмертіи? Если, и связанная тѣломъ, она жила такою жизнию, которая внѣ тѣла, то по смерти тѣла тѣмъ паче будетъ жить, и не прекратится жизнь ея; потому что такъ сотворилъ ее Богъ Словомъ своимъ, Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ. И помышляетъ и мудрствуетъ она о безсмертномъ и вѣчномъ, потому что сама безсмертна. Какъ тѣлесныя чувства, посліку тѣло смертно, видятъ смертное: такъ душѣ, созерцающей безсмертное и помышляющей о безсмертномъ, необходимо и самой быть безсмертною и жить вѣчно. Ибо понятія и созерцанія безсмертія никогда не оставятъ ее, пребывая въ ней и служа какъ-бы подгнетомъ (*ἐπιμαυμα*) къ поддержанію безсмертія».

⁽¹⁾ Сравни. De incarn. Verb. p. 95 seqq. De salut. adv. Ies. Chr. p. 648. De incarn. Chr. p. 630.

⁽²⁾ De sal. adv. I. Chr. p. 634. «душа называется рабиимъ зракомъ (*μορφή δουλοῦ*), умпредставляемымъ составительнымъ началомъ. Посему умершій человѣкъ называется неимѣющимъ вида (*ἄμορφος*) и весь разрушается, какъ скоро разлучается съ тѣломъ душа, которая есть неразрушимая форма (*ἄλυτον ἔχουσα τὴν μορφήν*)».

⁽³⁾ De incarn. Verb. p. 95. 96.

⁽⁴⁾ Epist. ad Epict. 587.

⁽⁵⁾ De inc. Crist. p. 631: «тѣло человѣка называется тѣломъ, а не душею, и душа человѣка называется душею, а не тѣломъ; одно находится въ отношеніи къ другому, т. е. духъ къ тѣлу». Сравни. p. 630.

зданъ по образу Божию, а тѣло взято отъ земли; объ же эти части вмѣстѣ составляютъ одно существо, стоящее во главѣ видимаго міра, существенное назначеніе котораго есть служеніе чело-вѣку.

Человѣкъ свободенъ, и въ этой свободѣ лежитъ возможность какъ добра, такъ и зла. Зло не есть что либо самостоятельное въ человѣческой природѣ; оно, какъ уже выше замѣчено, не есть что либо суще (1), — оно, напротивъ, есть небытіе, ибо только доброе есть суще и наоборотъ (2). Человѣкъ долженъ пользоваться своей свободой для того, чтобы познавать и любить Бога, и это-то есть благо; напротивъ, если онъ обращается отъ Бога къ чувственности, то это самое удаленіе отъ истиннаго богопознанія и любви Божіей есть зло: на мѣсто истиннаго бытія, въ мысли и волю челоуѣка становится тогда нѣчто не суще, лишь воображаемое (3).

Первый челоуѣкъ, вышедшій изъ рукъ Творца, былъ надѣленъ отъ божественной благодати высокими преимуществами. По природѣ своей онъ былъ смертенъ, но по особенной благодати, да-

(1) Contr. gent. p. 2.

(2) Ibid. p. 5: «ὄντα δε ἐστὶ τὰ καλὰ, οὐκ ὄντα δε τὰ φαῦλα». De inc. Verb. p. 57.

(3) Contr. gent. p. 5 seqq. p. 7 seqq.: «зло не отъ Бога, и не въ Богѣ; его не было въ началѣ, и нѣтъ у него какой либо сущности; но люди, съ утратою представленія о добрѣ, сами себѣ, по своему произволу, стали измышлять и воображать не суще». De incarn. Chr. p. 627.

рованной ему Богомъ, онъ возвышенъ до безсмертія. Но это не было его единственнымъ преимуществомъ. Благодать даровала ему еще жизнь, высшую жизни только естественной, именно жизнь въ Богъ и по Богу ⁽¹⁾. Чрезъ это онъ создалъ его по своему образу и подобію ⁽²⁾. Чрезъ это онъ достигалъ и преимущества высшаго познанія, такъ какъ въ своей богоподобности онъ могъ познавать Слово, а чрезъ Него и Бога, непосредственно и безъ дальнѣйшихъ вспоможеній ⁽³⁾. Человѣкъ долженъ былъ беречь эти преимущества жизни и дѣйствованіемъ по Богу, по Божественной воли. Но онъ не сдѣлалъ этого, — онъ согрѣшилъ. Чрезъ это онъ лишился высокихъ преимуществъ, которыя Богъ по благодати своей даровалъ ему. И этотъ грѣхъ, съ своими послѣдствіями, распространился на всѣхъ потомковъ перваго человѣка ⁽⁴⁾. Вслѣдствіе этого подобіе Божіе

(1) De incarn. Verb. p. 56 seqq.: «человѣкъ, какъ сотворенный изъ ничего, по природѣ смертенъ; но по силѣ своего подобія Сущему, если бы сохранилъ оное устремленіемъ къ Нему ума своего, могъ бы замедлять въ себѣ естественное тлѣніе и пребылъ бы нетлѣннымъ... Богъ не только сотворилъ насъ изъ ничего, но, по благодати Слова, даровалъ намъ и жизнь по Богу».

(2) Ibid. p. 56: «умилосердившись надъ человѣческимъ родомъ, и зная, что по закону бытія своего онъ не имѣетъ достаточныхъ силъ пребывать всегда, Богъ даровалъ людямъ нѣчто большее: не создалъ ихъ просто, какъ всѣхъ безсловесныхъ на землѣ, но сотворилъ ихъ по образу своему, сообщивъ имъ и силу собственнаго Слова своего, чтобы, имѣя въ себѣ какъ-бы нѣкіе отбѣнки Слова и ставъ словесными, они могли пребывать въ блаженствѣ».

(3) Ibid. p. 64: «благодать, сообщенная въ образѣ Божіемъ, достаточна была къ тому, чтобы привести человѣка къ познанію Бога Слова, и чрезъ Него къ познанію Отца».

(4) Contra arian. orat. 2, p. 358: «когда Адамъ палъ, то поврежденіе распространилось на всѣхъ людей».

въ людяхъ все болѣе и болѣе помрачалось; они погружались во глубину чувственности въ возрастающей степени; въ той же мѣрѣ упало въ челоуѣчествѣ и истинное познаніе Бога и души, и произошло идолопоклонство ⁽¹⁾. Изъ этого грѣховнаго состоянія челоуѣкъ самъ собою уже не могъ освободиться ⁽²⁾; спасти его могъ Тотъ, кто сотворилъ его; потерянное въ челоуѣкѣ подобіе Божіе могъ возстановить въ немъ только Тотъ, кто самъ есть личный *εἰκὼν Θεοῦ*, божественное Слово ⁽³⁾. И потому божественное Слово стало плотію, дабы освободить насъ отъ древняго грѣха ⁽⁴⁾, возстановить насъ къ благодатной жизни, побѣдить смерть и снова привести насъ своимъ ученіемъ къ истинному богопознанію ⁽⁵⁾.

Итакъ Слово приняло на себя челоуѣческую

⁽¹⁾ Contra gent. p. 8 seqq. p. 36.

⁽²⁾ De sal. adv. I. Chr. p. 638.

⁽³⁾ De incarn. Verb. p. 59 seqq.: «если люди, вслѣдствіе предшествовавшаго преступленія, однажды сдѣлались подвластными естественному тлѣнію и утратили благодать Божія образа (*τῆν κατ' εἰκὼνα ἡμεῶν*), то чему иному надлежало совершиться? или въ комъ иномъ была потребность для возвращенія таковой благодати и для воззванія челоуѣковъ, кромѣ Бога Слова, изъ ничего сотворившаго вселенную въ началѣ? Ему принадлежало и тлѣнное привести опять въ нетлѣніе, и достойнѣйшее всего соблности Отцу».

⁽⁴⁾ Ibid. p. 73: «дабы всѣхъ сдѣлать неподлежащими отвѣтственности за древнее преступленіе и свободными отъ него».

⁽⁵⁾ Ibid. p. 60... p. 68. p. 69: «Спаситель вочелоуѣченіемъ явилъ сугубое челоуѣколюбіе—и тѣмъ, что уничтожилъ въ насъ смерть и обновилъ насъ, и тѣмъ, что, будучи не познанъ и невидимъ, явилъ Себя въ дѣлахъ своихъ и показалъ, что Онъ есть Отчее Слово, Вождь и Царь вселенной, . . . пусть знаютъ, что Господь пришелъ не показать Себя, но уврачевать и научить страждущихъ».

p. 96.

природу, и притомъ *вполнѣ*, во всей ея цѣлостности, — приняло не только тѣло, но и душу (1). Тѣло, рожденное отъ пренепорочной Дѣвы (2), Онъ предалъ за тѣло наше и душу за душу нашу (3); затѣмъ именно Онъ и принялъ ихъ, чтобы предать ихъ за насъ (4). Поэтому во Христвъ и двѣ воли: божественная и человѣческая (5); человѣческая воля въ Немъ, подобно божественной, была не только свободна отъ всякаго грѣха; но, по причинѣ ихъ впостаснаго единенія, и совершенно неспособна къ грѣху (7). Говоримъ: по причинѣ впостаснаго единенія; ибо божественная и человѣческая природа во Христвъ, по ученію Аѳанасія, соединены въ единствѣ божественнаго Лица. Сынъ Божій не есть иной, чѣмъ сынъ Маріи (8), и не иной тотъ, который страдалъ, и который не страдалъ (9); но тотъ и другой есть единый Христосъ, который есть вмѣствъ Богъ и человекъ (1). Тотъ, который есть Сынъ Божій,

(1) De inc. Chr. p. 618: «Господь ясно показалъ, что имѣть и плоть, и кровь, и кости, и душу, которая скорбитъ, возмущается и тужитъ».

(2) De inc. Verb. p. 60: . . . «отъ пречистой, нерастлѣнной, неискусомужной Дѣвы».

(3) De incarn. Chr. p. 630.

(4) Ibid. p. 624.

(5) De hum. nat. suscept. p. 611.

(6) De incarn. Chr. p. 620. p. 629.

(7) Ep. ad. Epict. p. 590.

(8) De inc. Chr. p. 624.

(9) Ibid. p. 623: «εἷς ἐστὶν ὁ Χριστὸς, καὶ Θεὸς καὶ ἄνθρωπος ὁ αὐτὸς». p. 625.

есть вмѣстѣ и сынъ человѣческій, и наоборотъ ⁽²⁾. Божественное Лицо во Христвъ есть субъектъ всякаго дѣйствія и страданія, принадлежать ли оныя Его божественной, или Его человѣческой, природа ⁽³⁾. По силѣ общенія свойствъ, основывающагося на этомъ единоличіи, можно говорить, нисколько не погрѣшая противъ истины, что Богъ претерпѣвалъ поношенія, что Богъ былъ распятъ ⁽⁴⁾, равно какъ и наоборотъ — человекъ Христа (только не человечество въ Немъ) можно и должно называть Богомъ ⁽⁵⁾. — Сей Богочеловѣкъ принесъ свою жизнь въ жертву ради нашего искупленія ⁽⁶⁾, и изъ сей жертвы истекаетъ наше спасеніе, то спасеніе, которое простирается не только на душу, но и на тѣло, на всего человекъ ⁽⁷⁾. Какъ душа чрезъ эту жертву получаетъ упованіе на блаженное безсмертіе, такъ и тѣло чаетъ будущаго воскресенія; ибо воскресеніе Христа есть причина и начало всеобщаго воскресенія ⁽⁸⁾. И какъ смерть Христа не разрушила Его вѣчнаго единенія, потому что божество оставалось присущимъ и тѣлу во гробѣ, и душѣ,

(2) Contra arian. or. 2. p. 352.

(1) Contra arian. or. 4. p. 481—484. p. 487.

(3) De sal. adv. I. Chr. p. 647.

(4) De hum. nat. susc. p. 597.

(5) De incarn. Verb. p. 61.

(6) Ep. ad. Epict. p. 587. De incarn. Chr. p. 628.

(7) De incarn. Verb. p. 73.

сходившей въ преисподняя ⁽⁸⁾: подобнымъ образомъ и наша смерть не разрушаетъ нашу настоящую жизнь совершенно, но эта жизнь будетъ нѣкогда опять возстановлена воскресеніемъ. Если во грѣхъ мы склоняемся къ небытію ⁽¹⁾, то чрезъ Христа и во Христвъ мы получаемъ истинную жизнь, становясь въ Немъ, въ извѣстномъ смыслѣ, обоготворенными ⁽²⁾.

Вотъ то ученіе, которое Аѳанасій противопоставилъ ересямъ Арія и Аполлинарія, защищая христіанскіе догматы. Чтобы утвердить христіанское ученіе о вочеловѣченіи Бога и, въ связи съ этимъ, христіанское ученіе о челоувѣкѣ, и развить то и другое съ такою глубиною и пронизательностію мысли, и еще въ такое время, въ которое жилъ св. Аѳанасій, для этого, не говоря о божественной благодати, нужна была не только непоколебимая сила воли, но и непреклонная твердость и послѣдовательность мысли, — словомъ, нуженъ былъ геній. И этого высокаго достоинства никто не станетъ оспаривать у св. Аѳанасія, кто знакомъ съ его жизнью и дѣлами и съ его сочиненіями. Послѣднія въ особенности даютъ блистательное свидѣтельство не только о величій его духа, но, въ извѣстномъ отношеніи, и о твердо-

(1) De sal. adv. I. Chr. p. 645 seqq.

(2) De incarn. Verb. p. 57.

(3) Contra arian. or. 4. p. 487. De incarn. Verb. p. 110. 111. Contra gent. p. 53.

сти и энергіи его воли. Для насъ понятно, какъ Аѳанасій могъ сдѣлаться ужасомъ для еретиковъ, и какъ послѣдніе, не смотря на то, что были владыками почти всего тогдашняго міра, могли защищаться отъ одного этого мужа только клеветою и гоненіемъ.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: info@axion.org.ru